Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 31.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-7-74-83

ВЕЛИЕВ Рамиль Рифанович,
кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук, Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе (МГРИ), e-mail: mail@law-books.ru

ВЕЛИЕВ Амиль Рифанович,
Ассистент кафедры сравнительной политологии РУДН Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, e-mail: mail@law-books.ru

КУЗИН Никита Романович,
студент факультета юриспруденции и правового регулирования, Российский государственный социальный университет, e-mail: mail@law-books.ru

ФАДЕЛЬМАН Максим Валерьевич,
студент кафедры Международные отношения и геополитика транспорта, Российский университет транспорта, e-mail: mail@law-books.ru

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ КАК МЕРА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ЕЕ ВОССТАНОВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Актуальность темы обусловлена ростом преступлений террористического характера и появлением в уголовном законе самостоятельного блока диверсионных составов, что обостряет дискуссию о пределах уголовно-правового реагирования на угрозы национальной безопасности. Проблема исследования состоит в противоречии между формальным сохранением смертной казни в ст. 59 УК РФ и сложившимся конституционно-правовым режимом ее неприменения. Цель статьи — определить правовые условия, при которых восстановление смертной казни могло бы обсуждаться не как общая мера ужесточения уголовной политики, а как исключительное уголовно-правовое средство реагирования на ограниченный круг преступлений, создающих прямую угрозу национальной безопасности. Методологическую основу составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и статистический методы. Анализируются правовая природа смертной казни, конституционно-правовой режим ее неприменения, цели наказания, современные террористические и диверсионные угрозы, а также судебная статистика по террористическим, экстремистским и диверсионным составам и отдельным преступлениям против безопасности государства. Особое внимание уделяется разграничению террористического акта и диверсии, поскольку эти составы имеют разную юридическую природу, но в практическом результате могут создавать сопоставимые последствия для жизни людей, устойчивости инфраструктуры и обороноспособности государства. В результате исследования обоснована поэтапная модель возможного восстановления смертной казни, включающая*

закрытый перечень особо квалифицированных составов, усиленные процессуальные гарантии, запрет обратной силы и обязательный учет правовых позиций Конституционного Суда РФ. Сделан вывод о том, что смертная казнь может обсуждаться только как исключительная, предельно ограниченная и процессуально защищенная мера, применимая к наиболее опасным террористическим и диверсионным преступлениям с доказанными особо тяжкими последствиями.

Ключевые слова: *смертная казнь; мораторий; национальная безопасность; терроризм; диверсия; пожизненное лишение свободы; уголовное наказание.*

VELIYEV Ramil Rifanovich,
Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Department of Humanities, Russian State Geological Exploration University named after Sergo Ordzhonikidze (MGRI)

VELIYEV Amil Rifanovich,
Assistant, Department of Comparative Political Science, RUDN University Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

KUZIN Nikita Romanovich,
student of the faculty of jurisprudence and legal regulation, Russian State Social University

FADELMAN Maxim Valerevich,
student of the Department of International Relations and Geopolitics of Transport, Russian University of Transport

CAPITAL PUNISHMENT AS A MEASURE FOR PREVENTING THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY AND THE LEGAL CONDITIONS FOR ITS RESTORATION IN MODERN CRIMINAL LAW

Annotation. *The relevance of the topic stems from the growth of terrorist crimes and the emergence of an independent block of sabotage offences in the Criminal Code of the Russian Federation, which sharpens the discussion on the limits of criminal-law response to threats to national security. The research problem lies in the contradiction between the formal preservation of capital punishment in Article 59 of the Criminal Code and the established constitutional regime of its non-application. The purpose of the article is to determine the legal conditions under which the restoration of capital punishment could be discussed not as a general tightening of criminal policy, but as an exceptional criminal-law means of responding to a limited range of crimes posing a direct threat to national security. The methodological basis includes formal-legal, comparative-legal, systemic and statistical methods. The article analyzes the legal nature of capital punishment, the constitutional regime of its non-application, the purposes of punishment, modern terrorist and sabotage threats, as well as judicial statistics on terrorist, extremist and sabotage offences and certain crimes against state security. Particular attention is paid to the distinction between a terrorist act and sabotage, since these offences have different legal natures but may produce comparable consequences for human life, the stability of infrastructure and the defence capability of the state. As a result, a step-by-step model of the possible restoration of capital punishment is substantiated, including a closed list of especially qualified offences, strengthened procedural guarantees, a prohibition of retroactive effect and mandatory consideration of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. It is concluded that capital punishment may be discussed only as an exceptional, strictly limited and procedurally protected measure applicable to the most dangerous terrorist and sabotage crimes with proven especially grave consequences.*

Key words: *capital punishment; moratorium; national security; terrorism; sabotage; life imprisonment; criminal punishment.*

Введение

Вопрос о смертной казни в России длительное время рассматривался преимущественно через призму гуманизации уголовного права, международных обязательств, конституционного права на жизнь и правовых позиций Конституционного Суда РФ. Такая постановка проблемы сохраняет значение, поскольку смертная казнь относится к наиболее спорным институтам уголовного права: она одновременно связана с идеей предельного воздаяния за особо тяжкое преступление и с риском необратимой судебной ошибки.

Однако современная дискуссия уже не ограничивается классическим спором о допустимости высшей меры наказания за убийство. Рост преступлений террористического характера, появление самостоятельного блока диверсионных составов в УК РФ, развитие дистанционной вербовки, использование сети Интернет для оправдания терроризма и вовлечения граждан в преступную деятельность усиливают вопрос о пределах уголовно-правового реагирования. При этом превращение смертной казни в эмоциональную реакцию на отдельные резонансные события юридически недопустимо. Такая мера, если она вообще обсуждается, должна оцениваться через статистику, цели наказания, конституционные ограничения, качество доказывания, правоприменительные риски и возможность альтернативного наказания в виде пожизненного лишения свободы.

Методологическую основу статьи составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и статистический методы исследования. Формально-юридический метод использован при анализе Конституции РФ, прежде всего ст. 20, ст. 43 и 59 УК РФ, норм Особенной части УК РФ о террористических, диверсионных и иных преступлениях против безопасности государства, положений УПК РФ о судебном разбирательстве, участии защитника, суде присяжных и пересмотре приговоров, а также Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Сравнительно-правовой и системный методы позволили сопоставить террористический акт, диверсию, экстремистские преступления и отдельные преступления против безопасности государства с точки зрения их объекта, последствий и возможных пределов уголовно-правового реагирования. Статистический метод применен при обобщении официальных данных МВД РФ, Генеральной прокуратуры РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, включая сведения о преступлениях террористического характера, экстремистской направленности, диверсионных составах и судебной практике по конкретным статьям УК РФ за 2021–2025 гг.

Нормативную основу исследования составляют Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму», а также правовые позиции Конституционного Суда РФ, включая Определение от 19.11.2009 № 1344-О-Р, сформировавшее устойчивый конституционно-правовой режим неприменения смертной казни.

Теоретическую основу статьи образуют научные работы С. В. Дубовиченко и В. П. Карлова, Ю. А. Кудрявцева, П. А. Григорьева, М. А. Артамоновой и О. Г. Савчишкиной [7], Ш. Э. Маликова и Б. О. Шмелева [8], В. В. Шрагера и Е. И. Поповой, С. В. Иванцова и С. В. Борисова, Н. В. Уманцева и К. А. Ершова, а также другие исследования, посвященные смертной казни, мораторию, терроризму, диверсионной деятельности и угрозам национальной безопасности. Эмпирическую базу составляют статистические сборники МВД России «Состояние преступности в России» за 2021–2025 гг., данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 г., а также официальные материалы Следственного комитета РФ и Генеральной прокуратуры РФ по отдельным резонансным делам.

Научная новизна статьи заключается в том, что смертная казнь рассматривается как ограниченная правовая конструкция, потенциально применимая только к закрытому перечню особо квалифицированных террористических и диверсионных составов. В работе обосновывается необходимость разграничения террористических, экстремистских, диверсионных и государственных преступлений при обсуждении высшей меры наказания, предлагается поэтапная модель возможного восстановления смертной казни через изменения в УК РФ, УПК РФ и отдельные законодательные акты, а также формулируется система процессуальных гарантий, направленных на предотвращение судебной ошибки, расширительного применения и нарушения принципа правовой определенности.

Основная часть

Смертная казнь в российском уголовном праве сохраняет двойственную правовую природу. С одной стороны, она прямо предусмотрена ст. 59 УК РФ как исключительная мера наказания. С другой стороны, ее назначение и исполнение блокируются сложившимся конституционно-правовым режимом неприменения. Эта двойственность объясняет, почему дискуссия о смертной

казни не может быть сведена к простой формуле «отменить мораторий» или «оставить как есть».

В правовой литературе справедливо указывается, что в действующем российском праве отсутствует единый нормативный акт, который прямо и исчерпывающе устанавливал бы мораторий. С. В. Дубовиченко и В. П. Карлов пишут: «Не существует единого нормативного правового акта, устанавливающего такой мораторий. Этим можно объяснить существенные расхождения в его оценке» [1, с. 96]. Данное положение имеет принципиальное значение: мораторий не является обычным институтом Общей части УК РФ, не тождественен отсрочке исполнения наказания, амнистии или помилованию. Он возник как результат совокупного действия Конституции РФ, решений Конституционного Суда РФ, изменения судебной системы и международно-правового контекста.

Иная позиция акцентирует внимание на том, что Конституционный Суд РФ фактически придал режиму неприменения смертной казни бессрочный характер, так Ю.А. Кудрявцев, анализируя юридическую силу решений Конституционного Суда РФ, отмечает: «С одной стороны, смертная казнь как вид наказания формально продолжает сохраняться в действующем законодательстве, с другой – в России сложился «легитимный конституционно-правовой режим»» [2, с. 232]. В этой формуле зафиксировано ключевое противоречие: уголовный закон сохраняет смертную казнь, но правоприменитель не вправе использовать ее без пересмотра конституционно-правовых условий.

Особое значение имеет позиция В. Д. Зорькина, который утверждает следующее: «С формально-юридической точки зрения Конституционный Суд не отменил смертную казнь, поскольку это может сделать только законодатель. Суд лишь сделал практически бессрочным мораторий на ее назначение и применение» [2, с. 233]. Эта мысль позволяет избежать двух крайностей. Нельзя утверждать, что смертная казнь полностью исчезла из российского права: она остается в УК РФ. Но нельзя и считать, что ее применение может быть восстановлено простым политическим решением или ведомственной инициативой. Правовой режим неприменения смертной казни имеет конституционное измерение и связан с принципом правовой определенности.

П. А. Григорьев, в свою очередь, подчеркивает: «Изменения в международных обязательствах России, произошедшие в 2022 г., выразившиеся в выходе нашей страны из договоров Совета Европы, не могут и не должны обусловить отмену двух актов Конституционного Суда РФ» [3, с. 12]. Эта позиция важна для современной дискуссии: прекращение участия России в отдельных международных механизмах само по себе не устраняет внутренние конституционно-правовые ограничения.

Вместе с тем нельзя игнорировать и то, что уголовное наказание выполняет не только карательную, но и охранительную функцию. Статья 43 УК РФ связывает наказание с восстановлением социальной справедливости, исправлением осужденного и предупреждением совершения новых преступлений. В контексте национальной безопасности предупреждение приобретает особую значимость, поскольку речь идет не о единичном посягательстве на частный интерес, а о преступлениях, способных затронуть жизнь неопределенного круга лиц, устойчивость государства, транспорт, энергетику, связь, оборонные объекты и иные элементы критической инфраструктуры.

Именно поэтому смертная казнь в современной дискуссии не должна рассматриваться как универсальное средство борьбы с преступностью. Общая криминологическая логика здесь недостаточна. Юридически корректная постановка вопроса возможна только в иной форме: может ли смертная казнь быть восстановлена как исключительная мера за строго ограниченный круг особо тяжких преступлений террористического и диверсионного характера, если они повлекли смерть людей, массовые последствия, разрушение критической инфраструктуры или подрыв обороноспособности.

Терроризм и диверсия в уголовном праве России являются разными явлениями. Террористический акт по ст. 205 УК РФ связан с воздействием на принятие решений органами власти или международными организациями, устрашением населения, созданием опасности гибели человека, причинением значительного имущественного ущерба либо наступлением иных тяжких последствий. Диверсия по ст. 281 УК РФ направлена прежде всего на подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. В статье В. В. Шрагера и Е. И. Поповой это различие выражено через специальную цель: «Ключевым, квалифицирующим признаком субъективной стороны является специальная цель – подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации» [4, с. 345].

Сходный вывод делают С. В. Иванцов и С. В. Борисов. Они указывают, что противодиверсионные уголовно-правовые новеллы во многом построены по модели антитеррористических составов: нормы о содействии диверсионной деятельности, обучении и диверсионном сообществе соотносятся со ст. 205.1, 205.3 и 205.4 УК РФ [5, с. 79]. Это не означает тождества терроризма и диверсии. Скорее речь идет о том, что законодатель видит в диверсионной деятельности самостоятельный блок угроз, сопоставимый по обще-

ственной опасности с терроризмом.

В практическом результате диверсия может создавать последствия, близкие к террористическому акту: гибель людей, разрушение транспортной инфраструктуры, повреждение энергетических объектов, нарушение связи, дезорганизацию оборонных или промышленных процессов. Но юридическое основание ответственности остается иным. Для терроризма центральны устрашение и воздействие на власть; для диверсии – подрыв экономической безопасности и обороноспособности. Это разграничение имеет прямое значение для вопроса о смертной казни: исключительная мера не может автоматически распространяться на весь блок «угроз национальной безопасности», иначе возникнет риск расширительного применения.

Современное уголовное законодательство уже демонстрирует тенденцию к усилению ответственности за террористические и диверсионные преступления. Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ в УК РФ были введены ст. 281.1, 281.2 и 281.3, закрепившие ответственность за содействие диверсионной деятельности, прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, организацию диверсионного сообщества и участие в нем. В правовой литературе это оценивается как формирование самостоятельного института преступлений диверсионной направленности. Н.В. Уманцев и К. А. Ершов прямо пишут о «формировании в российском уголовном праве самостоятельного института преступлений против экономической безопасности и обороноспособности страны» [6, с. 278].

Такой подход показывает, что государство уже использует комплекс мер защиты населения и публичной безопасности: усиление ответственности, пресечение вербовки, противодействие пропаганде терроризма, выявление каналов вовлечения, контроль информационной среды, развитие уголовно-правовых составов превентивного характера. Однако именно наличие этих мер делает вопрос о смертной казни более сложным. Если уголовный закон уже содержит пожизненное лишение свободы и жесткие санкции за террористические и диверсионные преступления, то восстановление смертной казни требует не общей ссылки на рост угроз, а доказательства того, что для отдельных особо квалифицированных случаев пожизненное лишение свободы не обеспечивает целей наказания.

Немаловажным аргументом является и официальная статистика МВД РФ, которая показывает, что террористические и экстремистские преступления в последние годы имеют выраженную тенденцию роста. Указанные данные не предопределяют вывод о необходимости восстановления смертной казни, однако позволяют оценить изменение криминологической обстановки и определить, в каких пределах уголовно-правовое реагирование на угрозы национальной безопасности требует дополнительного анализа.

Таблица 1 – Общая динамика преступлений террористического характера и экстремистской направленности в России в 2021–2025 гг.

Год	Преступления террористического характера	Динамика	Преступления экстремистской направленности	Динамика
2021	2136	–8,8 %	1057	+26,9 %
2022	2233	+4,5 %	1566	+48,2 %
2023	2382	+6,7 %	1340	–14,4 %
2024	3714	+55,9 %	1719	+28,3 %
2025	5920	+59,4 %	2241	+30,4 %

Источник: МВД России, статистические сборники «Состояние преступности в России» за 2021–2025 гг.

Данные таблицы показывают не просто увеличение отдельных показателей, а структурное усиление блока преступлений, связанных с общественной и национальной безопасностью. Особенно показателен 2024 г., когда при общем снижении зарегистрированной преступности на 1,8 % МВД РФ зафиксировало рост преступлений террористического характера на 55,9 % и экстремистской направленности на 28,3 %. В 2025 г. рост продолжился: зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера и 2241 преступление экстремистской направленности. Это подтверждает, что обсуждение исключительных мер уголовно-правового реагирования возникает не в отрыве от практики, а на фоне изменения характера угроз.

Однако общая статистика не отвечает на вопрос, какие именно составы могут быть связаны с обсуждением смертной казни. Для этого необходим постатейный анализ судебной статистики.

Таблица 2 – Судебная статистика по террористическим составам УК РФ за 2024 год

Статья УК РФ	Краткое наименование	Осуждено в 2024 г.
ст. 205	Террористический акт	75
ст. 205.1	Содействие террористической деятельности	115
ст. 205.2	Публичные призывы, оправдание или пропаганда терроризма	410
ст. 205.3	Прохождение обучения в целях террористической деятельности	46
ст. 205.4	Организация террористического сообщества и участие в нем	44
ст. 205.5	Организация деятельности террористической организации и участие в ней	94
ст. 205.6	Несообщение о преступлении террористического характера	84
ст. 206	Захват заложника	2
ст. 207	Заведомо ложное сообщение об акте терроризма	682
ст. 208	Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем	25
ст. 211	Угон воздушного, водного транспорта или железнодорожного подвижного состава	4
ст. 220	Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами	1
ст. 221	Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ	0
ст. 360	Нападение на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой	8
ст. 361	Акт международного терроризма	4

Источник: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, статистический портал, форма «Данные о назначенном наказании по статьям УК», 2024 год.

Постатейная статистика показывает, что основной массив осужденных приходится не только на террористический акт по ст. 205 УК РФ, но и на сопутствующие составы: публичное оправдание и пропаганду терроризма, содействие террористической деятельности, участие в деятельности террористической организации, несообщение о преступлении. Это означает, что современная террористическая угроза существует не только в форме совершенного теракта, но и в форме информационного сопровождения, вербовки, вовлечения, организационной поддержки и сокрытия информации.

Для вопроса о смертной казни из этого следует обратный вывод: не все террористические составы могут быть основанием для исключительной меры наказания. Статья 205.2 УК РФ, несмотря на высокий показатель осужденных, относится к информационным формам террористической активности. Статья 205.3 УК РФ охватывает обучение, то есть подготовительную деятельность. Статья 205.6 УК РФ связана с несообщением. Автоматическое включение таких составов в перечень преступлений, за которые возможна смертная казнь, разрушило бы исключительный характер меры и создало бы риск чрезмерного расширения.

Таблица 3 – Судебная статистика по экстремистским составам УК РФ за 2024 год

Статья УК РФ	Краткое наименование	Осуждено в 2024 г.
ст. 280	Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности	215
ст. 280.1	Публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности РФ	1
ст. 280.2	Нарушение территориальной целостности РФ	0
ст. 280.3	Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов Российской Федерации	63
ст. 280.4	Публичные призывы к деятельности, направленной против безопасности государства	14

ст. 282	Возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства	42
ст. 282.1	Организация экстремистского сообщества	23
ст. 282.2	Организация деятельности экстремистской организации	274
ст. 282.3	Финансирование экстремистской деятельности	38
ст. 282.4	Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики	127
ст. 354.1	Реабилитация нацизма	52

Источник: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, статистический портал, форма «Данные о назначенном наказании по статьям УК», 2024 год.

Экстремистские составы важны для общей оценки радикализации и состояния информационной среды. Они показывают, что угроза национальной безопасности формируется не только через завершенные насильственные преступления, но и через идеологическую, организационную и коммуникационную подготовку. Вместе с тем экстремистская преступность не должна механически смешиваться с терроризмом и диверсией при обсуждении смертной казни. Она может создавать почву для радикализации, но сама по себе не является достаточным основанием для включения соответствующих статей в закрытый перечень преступлений, за которые могла бы обсуждаться исключительная мера наказания.

Таблица 4 – Судебная статистика по диверсионным составам УК РФ за 2024 год

Статья УК РФ	Краткое наименование	Осуждено в 2024 г.
ст. 281	Диверсия	48
ст. 281.1	Содействие диверсионной деятельности	3
ст. 281.2	Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности	0
ст. 281.3	Организация диверсионного сообщества и участие в нем	2

Источник: Судебный департамент при Верховном Суде РФ, статистический портал, форма «Данные о назначенном наказании по статьям УК», 2024 год.

По ст. 281–281.3 УК РФ в 2024 г. зафиксирован меньший массив осужденных, чем по террористическим составам. Стоит отметить, важна не только численность, но и характер угрозы, так диверсия направлена на подрыв экономической безопасности и обороноспособности, может затрагивать транспорт, энергетику, связь, оборонные объекты и иную критическую инфраструктуру. Поэтому даже при меньших абсолютных показателях диверсионные составы имеют самостоятельное значение для дискуссии о национальной безопасности.

Приведенные статистические данные показывают, что вопрос о смертной казни не может решаться через простую реакцию на общественный резонанс. Превентивная функция наказания должна сопоставляться с отсутствием бесспорных доказательств большей эффективности смертной казни по сравнению с пожизненным лишением свободы. Защита общества и восстановление социальной справедливости должны соотноситься с риском судебной ошибки и необратимостью наказания. Общественный запрос на жесткое наказание не отменяет конституционные ограничения и требование правовой определенности.

Кроме того, сама статистика показывает неоднородность угроз. Одно дело – террористический акт, повлекший гибель людей; другое – публичное оправдание терроризма; третье – обучение в целях осуществления террористической деятельности; четвертое – несообщение о преступлении. Все эти составы важны для противодействия терроризму, но их общественная опасность различна. Поэтому смертная казнь, если она обсуждается, может относиться только к особо квалифицированным составам, где есть умышленное преступление, прямая связь с терроризмом или диверсией, гибель человека или массовая гибель людей, разрушение критической инфраструктуры, подрыв обороноспособности, особо тяжкие последствия и доказанная роль лица как исполнителя, организатора, руководителя или непосредственного соучастника.

Особого внимания требует соотношение смертной казни и пожизненного лишения сво-

боды. Сегодня пожизненное лишение свободы фактически выполняет функцию альтернативной исключительной меры. Оно устраняет возможность дальнейшего причинения вреда обществу конкретным осужденным и при этом сохраняет возможность пересмотра дела в случае судебной ошибки. Смертная казнь может обсуждаться только тогда, когда пожизненное лишение свободы признается недостаточным с точки зрения восстановления социальной справедливости и защиты общества. Но само по себе общественное возмущение после резонансного преступления не может быть достаточным основанием для назначения смертной казни. Критерием должна быть юридически установленная совокупность признаков: умысел, последствия, объект посягательства, роль виновного, степень общественной опасности и доказанность вины.

Правовая модель возможного восстановления смертной казни не может начинаться с простой формулы об «отмене моратория», поскольку в российском праве сложился не единичный запретительный акт, а комплексный режим неприменения высшей меры наказания. Дубовиченко и Карлов обоснованно указывают, что применительно к смертной казни речь идет именно о правовом режиме, включающем правоустанавливающую и организационную составляющие; авторы прямо пишут, что «в отношении смертной казни сложился особый правовой режим блокирования норм, допускающих назначение смертной казни по действующему УК РФ» [1, с. 95]. Это означает, что восстановление смертной казни не может быть оформлено ведомственным решением, указом или разовой политической инициативой, поскольку проблема находится на пересечении Конституции РФ, ст. 59 УК РФ, уголовно-процессуальных гарантий и правовых позиций Конституционного Суда РФ.

В действующем праве смертная казнь формально не исключена из УК РФ, но фактически не применяется вследствие конституционно-правового режима, сформированного Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П и Определением Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р. Кудрявцев подчеркивает, что Определение № 1344-О-Р закрепило бессрочность моратория и сделало назначение и применение смертной казни в условиях действующей Конституции РФ невозможным [2, с. 229]. Поэтому первичная юридическая задача состоит не в техническом добавлении смертной казни в санкции отдельных статей, а в устранении неопределенности между формальным сохранением этого наказания в уголовном законе и фактической невозможностью его назначения судом.

Юридически предпочтительной формой выступает федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с уточнением условий применения исключительной меры наказания». Такая конструкция позволяет не создавать самостоятельный чрезвычайный закон «о смертной казни», а встроить возможное восстановление высшей меры в систему действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

В этом случае законодатель одновременно определяет пределы применения смертной казни в ст. 59 УК РФ, корректирует отдельные квалифицированные составы Особенной части УК РФ, закрепляет специальные процессуальные гарантии в УПК РФ и вводит переходные положения, исключающие обратную силу и расширительное толкование.

Данный подход согласуется и с позицией Григорьева, который, хотя и выступает за полное исключение смертной казни из законодательства, справедливо фиксирует, что сама проблема не может решаться ссылкой только на прекращение международно-правовых обязательств России. Автор отмечает, что выход РФ из Совета Европы не является неизбежной предпосылкой для отмены моратория, поскольку действующий режим связан не только с международным правом, но и с внутренними решениями Конституционного Суда РФ [3, с. 11]. Именно поэтому даже модель ограниченного восстановления смертной казни должна начинаться с конституционно-правовой оценки, а не с прямого изменения санкций статей УК РФ.

Центральной нормой, требующей изменения при любой модели восстановления смертной казни, является ст. 59 УК РФ. В действующей редакции она устанавливает, что смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, а также сохраняет запрет ее назначения женщинам, лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора шестидесятипятилетнего возраста. Эти ограничения имеют системное значение, поскольку показывают, что даже формально предусмотренная смертная казнь в российском уголовном праве изначально мыслилась не как общее наказание за угрозу государству, а как предельная мера за наиболее опасные посягательства на жизнь.

Изменение ст. 59 УК РФ не должно сводиться к формуле о «разрешении» смертной казни. Такая редакция была бы юридически недостаточной, поскольку не определяла бы критерии отбора составов, пределы судебного усмотрения,

связь с последствиями преступления и гарантии от назначения необратимого наказания при сомнительной доказательной базе. Более обоснованная конструкция должна закреплять, что смертная казнь сохраняется как исключительная мера наказания, может применяться только за особо тяжкие преступления, предполагает посягательство на жизнь либо наступление смерти человека, массовой гибели людей или иных особо тяжких последствий, а само преступление должно быть связано с террористической или диверсионной деятельностью либо прямым подрывом национальной безопасности.

Возможная юридическая модель ст. 59 УК РФ должна также закреплять обязательное рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей, прямой запрет назначения смертной казни при наличии неустранимых сомнений и сохранение действующих субъектных ограничений. Это означает, что смертная казнь не может назначаться несовершеннолетним, женщинам, мужчинам старше установленного возраста, а также лицам, в отношении которых применение такой меры исключается исходя из действующей логики ст. 59 УК РФ и общих принципов уголовной ответственности. Дополнительное условие о неустранимых сомнениях необходимо потому, что необратимый характер наказания требует более высокого стандарта судебной уверенности, чем по обычным уголовным делам.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что вопрос о смертной казни в современном уголовном праве России не может рассматриваться изолированно от состояния национальной безопасности, динамики террористических и диверсионных угроз, а также сложившегося конституционно-правового режима ее неприменения. Официальная статистика МВД РФ и судебные данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ свидетельствуют о росте преступлений террористического характера и актуализации диверсионных составов, однако эти показатели сами по себе не дают основания для механического восстановления высшей меры наказания. Их значение состоит в другом: они показывают, что уголовно-правовая политика должна точнее разграничивать обычное усиление ответственности и исключительные меры реагирования на преступления, затрагивающие жизнь людей, критическую инфраструктуру, обороноспособность и устойчивость государства.

Ключевым условием возможного восстановления смертной казни является не только изменение санкций отдельных статей УК РФ, а комплексная правовая реформа. Она должна включать корректировку ст. 59 УК РФ, точное определение пределов применения исключительной меры в Особенной части УК РФ, специальные гарантии в УПК РФ, обязательное участие защитника, суд присяжных, полный судебный порядок рассмотрения дела, автоматический апелляционный и кассационный пересмотр, проверку Верховным Судом РФ, право на помилование, запрет назначения смертной казни при неустранимых сомнениях и запрет обратной силы. Без таких условий смертная казнь вступила бы в противоречие с принципами правовой определенности, индивидуализации наказания и недопустимости необратимого наказания при сомнительной доказательной базе.

Особое значение сохраняют правовые позиции Конституционного Суда РФ. Поскольку режим неприменения смертной казни сформирован не одним нормативным актом, а совокупностью конституционных, уголовно-правовых и процессуальных условий, его пересмотр невозможен в форме простой отмены моратория. Перед принятием соответствующих изменений требуется конституционно-правовая определенность относительно пределов ст. 20 Конституции РФ, допустимости расширения ст. 59 УК РФ и соотношения новой модели с ранее сформированным режимом неприменения смертной казни. Роль Верховного Суда РФ также является обязательной, поскольку без разъяснений о критериях особо тяжких последствий, причинной связи, роли соучастников и применении пожизненного лишения свободы судебная практика может стать неоднородной.

Итоговая позиция состоит в том, что смертная казнь может обсуждаться только как исключительная, предельно ограниченная и процессуально защищенная мера, применимая к наиболее опасным террористическим и диверсионным преступлениям с доказанными особо тяжкими последствиями. Плавная отмена моратория в таком подходе означает не немедленное возвращение смертной казни, а поэтапное создание правовой модели: анализ статистики и практики, обращение к Конституционному Суду РФ, принятие федерального закона о внесении изменений в УК РФ, УПК РФ и отдельные законодательные акты, установление закрытого перечня составов, переходный период, разъяснения Верховного Суда РФ и последующий мониторинг яприменения. Только такая конструкция позволяет обсуждать высшую меру наказания в связи с угрозами национальной безопасности, не разрушая действующую систему уголовного и конституционного права.

Список литературы:

[1] Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Правовой режим неприменения смертной казни в России: правовая природа и проблемы обратной силы // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2022. № 4. Т. 2. С. 93–99.

[2] Кудрявцев Ю. А. О юридической силе решений Конституционного Суда РФ в контексте дискуссии об отмене моратория на смертную казнь // Социология и право. 2025. Т. 17. № 2. С. 229–239.

[3] Григорьев П. А. Смертная казнь в уголовном праве РФ: новое решение старой проблемы // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 10–16.

[4] Шрагер В. В., Попова Е. И. Диверсионная деятельность: вопросы уголовно-правовой квалификации // Вестник науки. 2025. № 10 (91). Т. 4. С. 341–351.

[5] Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3. С. 78–84. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-3-78-84..

[6] Уманцев Н. В., Ершов К. А. Эволюция уголовно-правового противодействия диверсии в РФ: на основе законодательных новаций // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 12-2 (111). С. 278–282. DOI: 10. 24412/2500-1000-2025-12-2-278-282..

[7] Артамонова М. А., Савчишкина О. Г. К некоторым вопросам уголовной ответственности за преступления террористической направленности и моратория на вынесение смертной казни в современных условиях // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 316–318. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_316..

[8] Маликов Ш. Э., Шмелев Б. О. К вопросу о формировании общественного запроса об отмене моратория на смертную казнь в условиях специальной военной операции // Аграрное и земельное право. 2024. № 4 (232). С. 394–396. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_4_394..

[9] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года : статистический сборник / МВД России, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». М., 2025.

[10] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года : статистический сборник / МВД России, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». М., 2026.

[11] Данные о назначенном наказании по статьям УК : 2024 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : статистический портал. URL: https://stat.xn—7sbqk8achja.xn–p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 03.05.2026).

References:

[1] Dubovichenko S.V., Karlov V.P. The legal regime of non-use of the death penalty in Russia: legal nature and retroactive problems // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2022. № 4. VOL. 2. S. 93-99.

[2] Kudryavtsev Yu. A. On the legal force of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the context of the discussion on the abolition of the moratorium on the death penalty // Sociology and law. 2025. VOL. 17. № 2. S. 229-239.

[3] Grigoriev P. A. The death penalty in the criminal law of the Russian Federation: a new solution to the old problem // Criminal justice. 2024. № 23. S. 10-16.

[4] Shrager V.V., Popova E.I. Sabotage: issues of criminal legal qualification // Bulletin of Science. 2025. № 10 (91). VOL. 4. P. 341-351.

[5] Ivantsov S.V., Borisov S.V. Topical issues of criminal law counteraction to sabotage activities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 3. S. 78-84. DOI: 10.24412/2073-0454-2024-3-78-84..

[6] Umantsev N.V., Ershov K.A. Evolution of criminal law counteraction to sabotage in the Russian Federation: based on legislative innovations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 12-2 (111). S. 278-282. DOI: 10. 24412/2500-1000-2025-12-2-278-282..

[7] Artamonova M.A., Savchishkina O.G. On some issues of criminal liability for crimes of a terrorist nature and a moratorium on the imposition of the death penalty in modern conditions // Agrarian and land law. 2024. № 5 (233). S. 316-318. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_5_316..

[8] Malikov Sh. E., Shmelev B.O. On the formation of a public request to lift the moratorium on the death penalty in the context of a special military operation // Agrarian and land law. 2024. № 4 (232). S. 394-396. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_4_394..

[9] The state of crime in Russia in January - December 2024: statistical collection/Ministry of Internal Affairs of Russia, PKU "Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia." M., 2025.

[10] State of crime in Russia in January - December 2025: statistical collection/Ministry of Internal Affairs of Russia, PKU "Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia." M., 2026.

[11] Data on the imposed punishment under the articles of the Criminal Code: 2024 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: statistical portal. URL: https ://stat.xn--7sbqk8achja.xn-p1ai/stats/ug/t/14/s/17 (Accessed: 03.05.2026).